

Л. Н.
АНДРЕЕВ

Избранное

Леонид Николаевич Андреев
«Дикая утка»
Серия «Театральные очерки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2806455

Аннотация

«У меня был маленький, беленький котенок, на которого приятно было смотреть в минуты грусти. Вся его нехитрая жизнь была сплошной иллюзией: ни одного предмета не видел он таким, каков он есть, а вкладывал в него самостоятельное и очень интересное содержание. Поскребывание ножом он считал за несомненное приближение добычи или врага, настораживался, следил, прицеливался и нисколько не огорчался и не разочаровывался, когда ничего не находил...»

Содержание

Леонид Николаевич

Андреев

«Дикая утка»

У меня был маленький, беленький котенок, на которого приятно было смотреть в минуты грусти. Вся его нехитрая жизнь была сплошной иллюзией: ни одного предмета не видел он таким, каков он есть, а вкладывал в него самостоятельное и очень интересное содержание. Поскребывание ножом он считал за несомненное приближение добычи или врага, настораживался, следил, прицеливался и нисколько не огорчался и не разочаровывался, когда ничего не находил. Очевидно, враг удрал, думал он и преспокойно переходил к очередным занятиям: прыганью вокруг шуршащего клочка бумаги или запутыванию клубка. Ни одной минуты не проводил он в бесплодном спокойствии. То он позорно трусил и надолго скрывался под диваном, то бурно ликовал, то впадал в глубокое недоумение и решал проклятые вопросы. Даже собственная его личность служила для него интересной загадкой и неиссякаемым источником удовольствий. Бывали у него моменты, когда он совершенно искренно принимал себя за кого-то другого и от изумления, восторга и ужаса впадал в столбняк. Собственный хвост он упорно считал совсем посторонним и притом враждебным обстоятельством и от-

чаянно, до потери сознания, боролся с ним.

И если бы я умел объясняться на кошачьем диалекте, уверяю вас, я ни за что не стал бы объяснять моему беленькому приятелю, что бумага есть просто бумага, нитка – просто нитка, а хвост – нечто неотъемлемое, навсегда ему присвоенное по законам природы. И временами я, человек, со всеми своими шестью чувствами и разумом, чувствовал себя обездоленным бедняком в сравнении с этой неразумной тварью, а жизнь свою – нищенской, плоской и скучной.

Потом котенок вырос и стал молодым котом. У него завелись знакомства и связи, и были ли среди его приятелей скептики, черт знает чего ему нагородившие, или женщина ему изменила, или попросту пора такая пришла, но от многих иллюзий он, по-видимому, отрешился. Бумажку с ниткой он признавал и, будучи в хорошем настроении, не прочь был с ней повозиться, хотя уже не столько для себя, сколько для людей, но хвост свой положительно игнорировал и к поскребыванию пальцем относился иронически.

Теперь он возмужал – и более скучного, отвратительного и пошлого существа я не знаю. Иллюзий – никаких. Валяется целые дни по постелям и диванам, еле продирает заспанные глаза, зевает, и если вы хотите расшевелить его, то поднесите ему настоящую мышь и притом к самому носу. Разыскивать ее он не станет, очевидно полагая, что всех мышей все равно не переловишь, а из-за одной не стоит подыматься. Даже молоко он крадет с изумительным равнодуши-

ем, единственно из необходимости, и если в скором времени он покончит самоубийством, я нисколько не удивлюсь. Теперь, когда я что-нибудь пишу, а он лежит неподалеку и пренебрежительно щурит на меня свои зеленые глаза, я страшно боюсь, как бы он не заговорил. Я знаю, что он скажет что-нибудь в таком роде:

– Сидит человек, согнувшись за столом, водит палочкой по бумаге и думает, что из этого что-нибудь выйдет. А ничего из этого не выйдет, и все это – суета сует и томление духа. Завтра прочтут люди, что он написал, и забудут, и ничего в мире не прибавится и не изменится. Ни крупички хлеба не прибавится у голодного, ни одной росинки не падет на уста жаждущего; в свой определенный час выйдет грабитель на добычу, а добрый уляжется спать и заткнет уши ватой. Вот он сидит и пишет, и думает, что из этого что-нибудь выйдет, а все это – суета сует и томление духа. Тысячи лет стоит мир, и так изменилась земля в руках человеческих, что сам творец, ее создавший, теперь не узнал бы ее, а ни счастливее, ни богаче, ни умнее, ни свободнее не стал человек. Потому что все дни его – скорбь, а его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

Вот что читаю я в зеленых прищуренных глазах, и, надеюсь, Общество покровительства животным не осудит меня, если в один прекрасный вечер я оторву коту голову вместе с его глазами. Если то, что они говорят, – правда, то это скверная правда; но я уверен, что это ложь. Правда то, что оправ-

дывает жизнь и углубляет ее, а то, что вредит жизни, – всегда и всюду ложь, хотя бы доказана она была математически. Да, я уничтожу kota – и пусть вновь прыгает возле меня беленький котенок и пустую мертвую комнату наполняет жизнью, интересом и счастьем. А с тех пор, как я повидал в Художественном театре ибсеновскую «Дикую утку»¹ и вновь просмаковал всю ее пленительную горечь, – я решил сделать это безотлагательно.

По милости судьбы я не рецензент, не критик, и не лежит на мне тяжкая обязанность нечто преподать к руководству

¹ ...я повидал в Художественном театре ибсеновскую «Дикую утку». – «Дикая утка» – драма в пяти действиях Генрика Ибсена. Премьера пьесы в МХТ состоялась 19 сентября 1901 г. Режиссеры К. С. Станиславский и А. А. Санин. По замечанию рецензента «Русского слова» (1901, 21 сентября), «пьеса имела успех в тех местах, где драма реальна и понятна». Символику драмы Г. Ибсена и ее постановки на сцене МХТ зрители воспринимали с напряжением, рассудочно. 29 сентября 1901 г. К. С. Станиславский писал В. В. Котляревской: «Дикая утка», несмотря на участие только молодых актеров, удалась. Публика готова была заинтересоваться пьесой, но газеты поспешили испортить дело. Прибегали к неблагоприятным приемам для того, чтобы подорвать доверие (Станиславский К. С. Собр. соч. в восьми томах, т. 7. М., Искусство, 1960, с. 219). Пьеса выдержала всего двадцать представлений. Впоследствии К. С. Станиславский признал, что критика постановки «Дикой утки» в МХТ имела обоснование: «... Символизм оказался нам – актерам – не по силам. Знатоки объясняли неудачу актеров реалистическим направлением нашего искусства, которое якобы не уживается с символизмом. Но на самом же деле причина была иная, как раз обратная, противоположная: в Ибсене мы оказались недостаточно реалистичны в области внутренней жизни пьесы» (там же, т. 1. М., Искусство, 1954, с. 218–219). В отклике Андреева на постановку «Дикой утки» в МХТ поставлена задача прояснить именно символический, для Андреева главный, смысл как самой пьесы Г. Ибсена, так и трактовки ее персонажей режиссерами и актерами.

артистам, а нечто – к сведению зрителям. Хожу я в театр, как всякий иной обыватель; если есть в пьесе хорошее – стараюсь это присвоить и пустить в свой обиход, от дурного отрециваюсь, и если артисты играют хорошо, от души рукоплещу. Прелесть сознания, что мое мнение о пьесе ни для кого не обязательно, делает меня свободным от высказывания его. Ибсен, так Ибсен; Чехов, так Чехов – мне, ей-богу, все равно. Мне важно лишь то, что я вижу, дорого лишь то, что я уношу с собой из театра. У профанов есть драгоценное право, которого лишены знатоки: не признавать авторитетов, и я искренно позавидовал тому из зрителей «Дикой утки», который смело назвал пьесу глупой. Он был сам не умен, этот зритель, но свобода его суждений восхитила меня. И притом он рассуждал «по существу», как выражаются адвокаты, а это дается не всякому.

На мой взгляд, взгляд профана, «Дикая утка» – замечательно умная и удивительно тонкая вещь, при всей своей внешней грубости приемов и небрежности работы. И что важнее всего, это – жизнерадостная вещь, быть может, даже против воли того, кто написал ее. Быть может, он хотел ею огорчить, унижить и отнять всякую надежду, но у пессимизма есть своя роковая черта, на которой он невиннейшим образом переходит в оптимизм. Отрицая все, приходишь к вере в приметы; отвергая всю жизнь, являешься ее невольным апологетом. Никогда не верю я так в жизнь, как при чте-

нии «отца» пессимизма, Шопенгауэра²: человек думал так – и жил. Значит, могуча и непобедима жизнь.

Не знаю, на каком основании Грегерса Верле и Яльмарка Экдаля относят к двум различным и враждебным категориям: один, Экдаль, представитель «Дикой утки», иллюзорного начала жизни, ее лжи; другой, Грегерс, выразитель правды, жестокой и непреклонной. На мой, профанский взгляд, они слеплены из одного и того же теста, и каждый из них имеет свою «дикую утку», как имеют таковую и отец Экдаля и Реллинг. Все они – котята, наполняющие жизнь призраками, с той разницей, что один еще способен охотиться за собственным хвостом, а для другого требуется чужой хвост. Экдаль живет мыслью, что он великий изобретатель; Грегерс живет мечтой, что судьба возложила на него миссию гончей собаки, которая извлекает из тины закопавшихся в нее уток. Во имя своей «дикой утки» он готов перестрелять

² *Шопенгауэр Артур* (1788–1860) – немецкий философ-иррационалист, оказавший большое влияние на Андреева. Восприятие им пессимистической философии А. Шопенгауэра, впрочем, было весьма субъективным. 6 августа 1904 г. после чтения книги А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление» Андреев писал М. Горькому: «И вовсе не пессимист Шопенгауэр: только трусливое мечтанство, желающее быть обманутым, могло признать его таковым. Он отрицает возможность счастья, удовлетворения, покоя; основой жизни, по его исследованию, является вечно голодная, вечно стремящаяся воля. Все стремится, все желает расшириться, овладеть миром, властвовать – какая красота в этом стремительном потоке, где камень, растение, человек, все рвется вперед, разрушая, создавая и снова разрушая. Вперед! Возможно, что я Шопенгауэра понял не совсем верно, скорее применительно к собственным желаниям – но он заставил много и хорошо поработать головой и многое сделал более ясным» (ЛН, т. 72, с. 218).

всех чужих «уток», но жизнь не дает возможности сделать это. Гибнут отдельные люди, гибнет Эдвиг, гибнет сам Греггерс, а «дикая утка» остается, как эмблема, как символ жизни. Жизнь побеждает.

Мой состарившийся кот – пессимист не из последних, и если его послушать, так он один знает истину. В его бессловесных речах, обращенных ко мне, можно найти много разумного: суета сует, томление духа и прочее. Но кто может поручиться, что сам-то он не лжет и добросовестно и убежденно, как лгут все в мире Греггерсы и Экдали?

Одна из самых отчаянных «диких уток», выпущенных человечеством, – это так называемая «истина». Мудрейший задал вопрос, что есть истина, – и тысячи немудрых отвечают: «я знаю истину, я знаю истину». Свое умение доказать, что дважды два – четыре, они считают правом на познание великой мировой истины.

С точки зрения «дважды два – четыре» утка, находившаяся на чердаке, разжиревшая, потерявшая дикость, не могла создать там леса, была ложью, но, с точки зрения Экдаля-отца, она является несомненной истиной. Он видит лес, он дышит его воздухом, он переживает эмоции охотника на медведя, стреляя в безобидных кроликов, – он прав.

Мнимый враг Греггерса, д-р Реллинг говорит, что для «перевода иностранного слова „идеал“ существует превосходное норвежское слово: „ложь“». Это тоже «дикая утка». Словом «ложь» так же злоупотребляют, как и «истиной», и свою

детскую способность подметить ошибку при делении многозначных чисел считают правом на отыскание высшей мировой лжи. И свою мысль, что людям нужна ложь, д-р Реллинг считает истиной и ради своей «дикой утки» готов передушить всех чужих «уток» – положительно они братья с Греггерсом. В сущности, ведь и убежденный черт – идеалист.

И мне несколько не страшно, когда я вижу всех этих людей борющимися каждый за свою «дикую утку». Я рад этой борьбе. Победит не истина, не ложь; победит то, что находится в союзе с самой жизнью; то, что укрепляет ее корни и оправдывает ее. Остается только то, что полезно для жизни; все вредное для нее рано или поздно гибнет фатально, неотвратимо. Пусть сегодня оно стоит несокрушимой стеной, о которую в бесплодной борьбе разбиваются лбы благороднейших людей, – завтра оно падет. Падет, ибо оно вздумало задержать самую жизнь.

«У всякого человека должно быть место, куда бы „он мог пойти“»³, – говорит пьянчужка Мармеладов, бессознательно выражая всю философию «дикой утки». У всякого человека должно быть то, что он мог бы любить, во что он мог бы верить, что осмысливало бы его жизнь. В тюрьме – паук, в падении и нищете – дикая утка, на умственной высоте – «идеальные требования». Сила человека не в разуме: она в

³ «У всякого человека должно быть место, куда бы он мог пойти...» – приведенная на память цитата из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». В оригинале: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти».

его удивительной эластичности, исключительной способности всюду и всегда найти для себя «дикую утку». В одной из московских клиник около пяти лет находится человек, страдающий неизлечимой кожной болезнью. Казалось бы, кому убить себя, как не ему, – а он жив и весел. Доктора дарят ему табак – не эти ли подарки составляют его «дикую утку»?

Но несчастье Грегера Верле в том, что он не туда попал со своими «идеальными требованиями», куда следует, и пошел наперекор жизни. Я слышал в публике голоса, обвинявшие его в глупости и даже в негодяйстве. Последнее совсем уже неверие и даже нелепо. Грегера – честнейший человек, но только не умеет он со своей честностью обращаться и орудует ею, как обухом. И не глуп он, хотя, как и многие, страдает глупостью умных и сильных, неспособных понять чужой слабости и маломыслия. В мелочную лавочку он явился с миллионом и удивляется, что миллиона не могут разменять. Та сцена драмы, где навязанные Экдалю «идеальные требования» борются в его душе с похмельным желанием «солененького», написана с беспощадной силой и горечью. Здесь Ибсен как будто дает пощечину всему человечеству, в котором «солененькое» побеждает идеальное.

По моему взгляду, взгляду профана, который однажды родился, а стало быть и должен жить, это «солененькое» представляется совсем в ином – в радостном виде. Это корни, пущенные человеком в землю; пусть ветер треплет вершину – он не вырвет дерева и не унесет, пока корни в земле.

Жизнь крепко стоит за себя, и «солененькое» – одно из ее могучих орудий. Не будь его, половина людей завтра же отравилась бы вешаться. Для равномерного движения станков нужно тяжелое маховое колесо – таким колесом является для жизни человека «солененькое».

...Старый кот пренебрежительно щурит на меня свои зеленые глаза. И я читаю в них:

– Вот и это неправда. Ты добросовестно лжешь самому себе, ибо не можешь вместить правды, не погибнув. Твоя всепобеждающая жизнь – это такая же «дикая утка», как все те, которые ты перечислил. Правда то, что мудрый умирает наравне с глупым и все суета сует. Ложись лучше со мной на диван, и будем спать, а потом пойдем воровать сливки: я знаю, где они спрятаны. И если нас поймают и побьют, то и это – суета сует и томление духа. Ибо честного не будут помнить вечно, как и вора; в грядущие дни все будет забыто, и – увы! – честный умирает наравне с вором.

Пусть так, почтенный пессимист, но я не верю тебе. Пусть всепобеждающая жизнь – иллюзия, но я верю в нее, и несчастья нынешнего дня не отнимут у меня веры в день грядущий. Жизнь победит – сколько рук ни налагалось бы на нее, сколько безумцев ни пытались бы ее прекратить.

И разве не умнее: жить, хваля жизнь, нежели ругать ее – и все же жить!